

РУДЕНКОВ И.А., к.э.н., доцент, БГУ, Беларусь.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНСТИТУТОВ: ОЦЕНКА И ФАКТОРЫ

Независимо от способа институционализации экономических отношений будь то на уровне фирмы, государства или международном уровне, проблема выбора институтов всегда стоит перед субъектами социально-экономической деятельности, принимающих решения от себя лично или по поручению организаций. Этот выбор должен основываться не на субъективных представлениях о правильности выбранного пути, и не путем копирования и импорта институтов из «развитых стран», а путем объективной оценки их экономической эффективности в соответствии с условиями и особенностями данной конкретной страны, региона, сферы и вида деятельности, предприятия и, наконец, индивида. Для этого должны быть выявлены критерии определения эффективности института безотносительно к его конкретной форме, т.е. «института вообще».

Эффективность института определяется тем, в какой степени данный конкретный институт реализует функции, присущие институтам вообще. Выделив эти функции, мы можем найти их количественную меру, при помощи которой можно сравнивать и определять степень эффективности различных институтов. Что же это за функции, которые присущи, или должны быть присущи всем институтам? Прежде всего, институты предназначены для того, что организовать деятельность субъектов *определенным образом*, предать ей устойчивую форму. Таким образом, *во-первых*, институт *снимает неопределенность* в отношениях субъектов, каждый из них занимает свое место и траекторию поведения в данном отношении, и институт это фиксирует.

Для того чтобы институт сохранял свою устойчивость интересы субъектов, объединенных этим институтом, должны быть согласованы таким образом, чтобы интересы одного субъекта не ущемляли интересов другого. Такое отношение сторон характеризуется как диалектическое тождество, когда ни одна из сторон не имеет преимущества. Это состояние можно также определить, как *институциональное равновесие*. Однако, это равновесие может иметь различную степень устойчивости, поскольку достичь полного согласования интересов субъектов, объединенных данным институтом – практически невозможно. Поэтому, всегда существует риск нарушения институционального равновесия, так как у субъектов есть мотивы изменения заданной институтом траектории поведения. Институт должен минимизировать этот риск, иначе он не будет сохранять свою устойчивость. Следовательно, вторая функция института – *компенсация риска*.

Нарушение равновесия всегда сопровождается потерями, вероятность и объем которых имеют конкретное количественное выражение, т.е. их можно оценить. На основе этой оценки мы можем определить затраты на

компенсацию риска. Эти затраты по существу являются дополнительными издержками на поддержание равновесия. Издержки, предназначенные на поддержание институционального равновесия, получили название транзакционных издержек. Институт должен их минимизировать до уровня, необходимого на поддержания самого института. Отсюда вытекает *третья функция* институтов: *минимизация транзакционных издержек*. Если степень риска остается достаточно высокой, для ее снижения создаются дополнительные институты. Транзакционные издержки, в результате возрастают, что свидетельствует о низкой эффективности данного института. Таким образом, объем, и динамика транзакционных издержек является количественной мерой эффективности институтов. Но стоит проблема их измерения.

Количественный аспект транзакционных издержек в экономической литературе рассматривается с точки зрения двух подходов: ординалистского и кардиналистского. В соответствии с первым для анализа имеют значение только направления изменения транзакционных издержек.

Соответственно, рост транзакционных издержек означает снижение устойчивости институциональной системы или единицы и увеличение уровня риска, однако для принятия конкретных управленческих решений, которые требуют определенных объемов финансирования этого не достаточно. Поэтому необходимо более точно оценить транзакционные издержки. Один из таких способов – анализ доходов транзакционного сектора, либо с помощью суммирования прямых денежных затрат либо затрат времени, помноженных на среднюю почасовую заработную плату работников транзакционного сектора.

Транзакционные издержки возникают там, где существуют так называемые «провалы рынка», которые порождают неопределенность и риски экономических сделок, они представляют собой цену спроса на институт, который снимет неопределенность и примет на себя риск. Например, финансовые институты должны обеспечивать финансовую устойчивость субъектов хозяйствования, принимая на себя финансовые и часть коммерческих рисков, взимая за это определенный процент, размер которого зависит от величины риска. Отсутствие института арбитража ведет к издержкам невыполнения контрактов, которые значительно превышают судебные издержки. В результате, риск компенсируется транзакционными издержками. Они же выражают спрос на институты, поскольку значительно ниже тех потерь, риск которых принимает на себя транзакционный сектор. Чем выше риск, тем выше транзакционные издержки, тем больше спрос на институты. Таким образом, транзакционные издержки выражают предельную полезность институтов, выраженную через альтернативную стоимость, которую институциональные единицы готовы уступить вместе с риском транзакционному сектору.

Понятие «транзакционный сектор» было предложено Дж. Уоллесом и Д. Нормом для оценки транзакционных издержек. Они включили в этот сектор оптовую и розничную торговлю, страхование, банковский сектор, операции с

недвижимостью, затраты на аппарат управления в других отраслях, затраты государства на судебную и правоохранительную деятельность (государственный транзакционный сектор).

В основе институционального равновесия лежит спрос и предложение на услуги транзакционного сектора экономики. Спрос на услуги транзакционного сектора предъявляет реальный сектор экономики, стремящийся таким образом снизить риск предпринимательской деятельности до приемлемого уровня путем его передачи соответствующим институтам. Институты обеспечивают устойчивое функционирование экономики за счет реального сектора, который вместе с риском передает им часть предпринимательской прибыли, обеспечивая их функционирование. Эта часть прибыли и является транзакционными издержками.

Предприниматель не ставит перед собой цель поддержания устойчивости экономической системы, он лишь стремится минимизировать свои потери путем управления экономическим риском. Транзакционный сектор обеспечивает ему это с меньшими издержками, чем, если бы весь риск оставался на собственном удержании предпринимателя. Величина спроса на услуги транзакционного сектора определяется субъективной оценкой степени риска и индивидуальными издержками на его снижение. Чем выше риск, тем большей долей предпринимательского дохода готов поступиться предприниматель в пользу транзакционного сектора, но не более величины предпринимательской прибыли.

Предложение услуг транзакционного сектора зависит от расходов на содержание институтов и создание резервов, необходимых на возмещение потерь, связанных с шоками, вызванными различными источниками риска. Объем предложения не может превышать сумму ожидаемого ущерба, рассчитанного на основе объективных статистических данных и математических расчетах.

Резервы, предназначенные компенсировать потери реального сектора экономики, не изымаются из процесса экономического оборота, а обеспечивают обмен деятельности внутри транзакционного сектора. Объектом обмена здесь выступают сами риски, которые институты, по сути, перепродают друг другу. Поэтому транзакционный сектор в настоящее время является наиболее динамично развивающимся. Особенно бурно в последние десятилетия развивается рынок производных финансовых инструментов, *финансовых дериватов (financial derivatives)* – инструменты торговли финансовым риском, цены которых привязаны к другому финансовому или реальному активу. Характерная черта дериватов заключается в том, что при их продаже или покупке стороны обмениваются не столько активами, сколько рисками, вытекающими из этих активов. Объем торговли на внутреннем и международном рынке финансовых дериватов к середине 90-х гг. достиг 2 трлн. долларов в день. В последнее десятилетие бурное развитие транзакционных операций на мировых финансовых рынках привело к кризису мировой финансовой системы.

Появление вторичного рынка рисков придало дополнительный импульс развитию транзакционного сектора и росту транзакционных издержек. Это привело к перераспределению прибавочного продукта из реального сектора экономики в пользу транзакционного, а, следовательно, к падению предпринимательской прибыли и мотивации предпринимательской деятельности в сфере производства товаров и услуг. Именно появление вторичного рынка рисков, послужило причиной нарушения институционального равновесия между спросом со стороны реального сектора и предложением институтов со стороны транзакционного сектора, что получило выражение в более высоких темпах роста транзакционных издержек по сравнению с ростом доходов.

Поскольку риск является источником предпринимательской прибыли, следуя за его перемещением, предпринимательская деятельность также переходит в ту сферу экономических транзакций, где купля-продажа рисков приносит максимальный доход. Не случайно, что мировой экономический кризис начинается с кризиса ипотечного рынка США, который находится на стыке реального и финансового секторов экономики и, поэтому, противоречие, обострившееся в результате нарушения баланса интересов между этими секторами, проявилось именно здесь. Поддержание институционального равновесия и тем самым эффективности экономической системы в целом отнюдь не является мотивом предпринимательской деятельности. Следовательно, только государство способно посредством принятия на себя функций по управлению риском способно эффективно решать проблему сбалансированности институтов.

Таким образом, с целью определения области государственного управления риском, мы вводим понятие институциональных рисков, которые обусловлены так называемыми «дефектами рынка». Количественную сторону данного вида рисков представляют транзакционные издержки – это цена, которую общество уплачивает за функцию поддержания равновесия транзакционному сектору. По сути транзакционный сектор принимает на себя риски (или, что - то же самое, шоки), которые представляют собой угрозу устойчивости институциональных единиц, равновесию на отдельных рынках, общему равновесию на микроэкономическом уровне и локальных рынках, а также на макроэкономическом уровне и мировых рынках.

Снижение эффективности реального сектора происходит не только за счет перераспределения прибыли. Транзакционные издержки многократно превышают доходы транзакционного сектора в силу действия мультипликационного эффекта. Механизм его действия заключается в том, что в результате предоставления преференций одним хозяйствующим субъектам ухудшается институциональная среда в целом для других субъектов, в результате они несут невосполнимые потери. Отсюда мы можем рассчитать размер мультипликатора как отношение суммарного объема снижения прибыли всех участников рынка конкретного продукта (TPNE) к

объему дополнительной прибыли, полученной в результате предоставления преференций отдельной фирме (P_m):

$$MTrC = TPNE / P_m$$

Используя значение мультипликатора можно рассчитать общий объем чистых потерь, который несет экономика вследствие нарушения институционального равновесия на локальном рынке:

$$Trc = P_m \times MTrC$$

Необходимо отметить, что транзакционные издержки мы разделяем на две составляющие: доходы транзакционного сектора и чистые потери, которые несет экономика в результате нарушения институционального равновесия. Поэтому, эта же формула может быть использована при расчете суммарного ущерба, источником которого является риск, связанный с вмешательством государства в область изменения институциональных условий деятельности хозяйствующих субъектов, т.е. институциональных рисков, а также от деятельности других хозяйствующих субъектов нарушающих институциональное равновесие. Суммарный институциональный риск показывает степень отклонения экономической системы от точки равновесия. В точке равновесия права собственности четко специфицированы, экономические агенты обладают всей полнотой информации, никто из них не обладает никакими преференциями, конкурентный порядок полностью установлен, полностью согласованы и сбалансированы экономические интересы. Вследствие этого в условиях институционального равновесия экономические ресурсы используются с наибольшей эффективностью, транзакционные издержки минимизированы и равны доходу транзакционного сектора экономики.

Монополия государственной власти и управления является источником нестабильности экономической системы и высоких транзакционных издержек, если власть не демократична или не сопоставляет «очевидные выгоды» с теми потерями, которые несет экономика в результате нарушения институционального равновесия. Экономические субъекты, ориентированные на максимизацию прибыли, заинтересованы в получении индивидуальных преференций и готовы поделить часть незаработанной прибыли с чиновниками, поэтому не имеют мотивов сохранения конкурентного порядка. В этом интересы монополий и интересы власти полностью совпадают. В поддержании конкурентного порядка на товарных рынках заинтересованы только потребители, на политическом – только избиратели.

Исходя из того, чтобы получить шанс быть избранными (переизбранными), политики всегда должны предлагать меры, соответствующие интересам большинства избирателей [5]. В противном случае избиратели отдадут свои голоса другим политикам. Но для этого они должны обладать всей полнотой информации, тогда они смогут оценить все

возможные последствия предвыборных обещаний политиков и все последствия реализуемых в настоящее время мер государственного вмешательства в экономику.

Таким образом, при наличии полной информации политики лишаются возможности действовать в своих собственных интересах или в интересах отдельных институциональных единиц. Но для этого необходимо создать институты, обеспечивающие координацию информации, следовательно, асимметрия информации, с одной стороны, являясь источником риска, с другой стороны, порождает трансакционные издержки.

Высокие издержки, связанные с преодолением асимметрии информации и организацией коллективных действий делают контроль со стороны избирателей за деятельностью политиков весьма несовершенным. В такой ситуации последние получают определенную свободу действий и могут принимать решения исходя из своих собственных интересов, не принимая в расчет интересы других экономических субъектов. Однако, в силу специфики своего положения, реализовать эти интересы они могут только посредством бюрократии (исполнительной власти) и отдельных хозяйствующих субъектов, которым предоставляются определенные преференции. Таким образом, они избирательно удовлетворяют спрос на институты, при этом нет никаких гарантий, что эти институты будут способствовать повышению эффективности экономической системы в целом, скорее наоборот.

Безусловно, что поведение политиков в значительной степени зависит от той информации, которой располагают избиратели. Однако, встает вопрос о том, кто понесет издержки по преодолению асимметрии информации? Во-первых, это может быть оппозиция, которая будет поставлять информацию, преследуя свои собственные интересы, и экономя издержки на получение информации самими избирателями. Достигнутое таким образом снижение трансакционных издержек свидетельствует о том, что степень риска принятия неэффективных решений уменьшается, распределяясь уже между двумя субъектами.

Во-вторых, еще большему снижению степени данного риска может обеспечить разделение законодательной и исполнительной власти. Для этого исполнительная власть должна быть лишена права законодательной инициативы, издавать декреты, имеющие силу закона, а глава государства не должен обладать правом назначения на ключевые государственные должности. Это должно быть прерогативой парламента. Кроме того, любые изменения в исполнительных властных структурах должны происходить гласно, с предоставлением всей полноты информации о мотивах кадровых изменений. Институт гласности в осуществлении государственной власти становится эффективным фактором снижения риска оппортунистического поведения чиновников и политиков, и соответственно фактором снижения трансакционных издержек.

Гласность это не формальный институт, а скорее идеальное представление о всеобщей доступности информации. Формальным институтом ее может

сделать только государственная власть. Но как раз политики в этом заинтересованы в наименьшей степени. Поэтому они предпочитают подменить информацию официальной идеологией. Как неформальный институт, идеология определяет способ восприятия повседневных проблем, который позволяет минимизировать объем информации, требуемый для их решения. Идеология – это суждение о справедливости или легитимности институциональных рамок, в которых действуют экономические субъекты [6].

Официальная идеология является формальным институтом, подменяющим гласность, посредством которого власть выходит из-под контроля избирателей с целью укрепления своей монополии. Таким образом, вместо институтов гласности, обеспечивающих снижение риска и повышающего эффективность экономической системы, формируется псевдоинститут – официальная идеология, внедрение и поддержание которого требует огромных транзакционных издержек в силу того, что этот институт насильственно навязывается обществу при помощи других формальных институтов. Для примера достаточно напомнить о той колоссальной системе обработки общественного сознания и внедрения «коммунистической» идеологии, провозглашенной государственной, и армии идеологических работников, которая существовала в Советском Союзе. Не смотря на то, что система формальных, созданных государством идеологических институтов охватывала буквально все общество, она рухнула в «мгновение ока» под воздействием лишь одного, но добровольно воспринятого обществом института – «института гласности».

К институтам, обеспечивающим гласность, можно отнести такие же добровольные институты как: оппозиция, свобода и доступность средств массовой информации, независимость общественных объединений, свобода вероисповедания и выбора идеологии. Все эти институты обеспечивают не только свободный обмен информацией, но и «конкуренцию идей», без которой не возможен «рациональный выбор». Официальная идеология ограничивает этот выбор жесткими рамками.

Необходимо отметить, что официальная идеология не всегда выступает источником риска и роста транзакционных издержек. Идеологические принципы, выражающие интересы абсолютного большинства общества, воспринимаются им добровольно и не требуют огромных затрат на их внедрение. Например, идея социального рыночного хозяйства Людвига Эрхарда в послевоенной Германии, не требовала для своей реализации никаких идеологических институтов, кроме гласности. Идея национального единства в Японии послужили мощнейшими стимулами экономического и национального возрождения. Господство «национальной идеологии» играет положительную роль на «переломных этапах» общественного развития, когда решается задача общенационального выживания. Когда эта задача успешно решается, потребность в ней исчезает и на смену идеологическому единству приходит «борьба идей», дающая обществу возможность выбора оптимального пути развития. Но это зависит

от характера политической власти и механизмов ее осуществления. Если идеология используется лишь как инструмент укрепления власти правящей элиты, то такое государство обречено на стагнацию и деградацию. Пример СССР весьма характерен. Не меньший вред обществу наносит и насильственное тотальное внедрение «рыночной идеологии», посредством которой «богатый Запад» создает такую систему международных институтов, которая будет всегда обеспечивать приоритет его интересов.

ВЫВОДЫ:

- 1) Количественным выражением экономической эффективности институтов и уровня институционального риска выступают транзакционные издержки, которые представляют собой затраты общества на поддержание устойчивости экономики и потери, возникающие в результате нарушения институционального равновесия.
- 2) Транзакционные издержки складываются из доходов транзакционного сектора и чистых потерь, которые несет экономика в результате нарушения институционального равновесия, причиной которого являются институциональные риски.
- 3) Критерием оценки институциональных рисков выступает Мультипликатор транзакционных издержек, представляющий собой отношение чистых потерь экономики к дополнительному доходу, получаемому отдельными институциональными единицами.
- 4) При принятии политико-экономических решений необходимо учитывать степень институционального риска. Чем выше степень институционального риска, тем ниже эффективность экономической политики.
- 5) Правительства большинства стран не склонны учитывать институциональную эффективность и институциональный риск при выборе инструментов и областей экономической политики в силу нежелания получить объективную оценку своей деятельности.